

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ЕКАТЕРИНОСЛАВЕ

Корниловщина вызвала у нас новый большой сдвиг в сторону полевения масс. Рабочие стали энергичнее вооружаться. До этого меньшевистско-эсеровское руководство Совета сопротивлялось организации Красной гвардии. В этом вопросе мы не сочли возможным подчиниться меньшевистскому руководству Совета. Вопреки прямому запрету, мы начали организовывать Красную гвардию еще в майские дни и поставили во главе ее брянского рабочего — литейщика Тихона Бондарева, авторитет которого, как и в подполье, был очень велик. На первомайскую демонстрацию Бондарев вывел небольшой отряд первых красногвардейцев с особым знаменем и со специальными отличительными знаками на одежде. А в конце мая все записавшиеся в Красную гвардию были созваны на собрание, которое избрало руководство в составе Тихона Бондарева, Мирона Переславского, Михаила Потапова, а от Городского района Наума (Варлен) и др. Корниловщина, вызвавшая известное «полевение» меньшевиков, заставила исполком легализовать Красную гвардию. Вооружение пошло более быстрыми темпами, однако Красная гвардия превратилась в реальную военную силу только в декабре.

А между тем уже накануне Октября мобилизация масс на борьбу против контрреволюции, собиравшей силы в ближайшем соседстве с Донецким бассейном, у нас стала первоочередной задачей.

Однако никто не мог предвидеть той конкретной обстановки, которая сложилась на Украине вообще и в частности в Екатеринославе. Нельзя забывать, что на этом этапе еще не существовало никакого всеукраинского центра — ни партийного, ни советского. А в каждом крупном городе Украины складывалась своя оригинальная обстановка.

В самый момент обсуждения в Совете вопроса об Октябрьском перевороте наш Екатеринославский комитет пошел на компромисс, который впоследствии был отрицательно оценен нашей партийной общественностью. Мне лично неизвестно, был ли осужден этот компромисс какой-нибудь партийной организацией, но отдельные товарищи устно и в печати резко критиковали этот компромисс.

Этот компромисс связан с тем, что к моменту Октябрьского переворота у нас все еще не было большинства в Совете — большевики и сочувствующие им составляли меньше половины депутатов.

В то время, когда все мы, члены комитета и десятки партийных агитаторов, отправились на заводы и в казармы разъяснять петроградские события и мобилизовывать массы под знаменем Октября, Екатеринославский Совет все еще был в руках меньшевиков и эсеров, которые слышать не хотели о взятии власти Советом. Мы не могли, прежде всего, допустить принятия меньшевистско-эсеровской резолюции, осуждающей Октябрьский переворот. Мы требовали присоединения Совета к Октябрьскому перевороту и немедленного перехода местной власти в руки Совета. Собрание Совета 27 октября могло стать историческим, если бы оно постановило взять в руки власть. Но мы знали, что наша резолюция будет провалена большинством в несколько голосов. И вот во время нашего доклада на собрании Совета 27 октября о событиях в Петрограде, в момент, когда приближалось голосование, где-то за кулисами украинские эсдеки¹ предложили двум членам нашего комитета присоединить свои 5—6 голосов к нашим, чтобы совместно провалить резолюцию меньшевистско-эсеровского лагеря и обеспечить большинство за нашей резолюцией. Украинские эсдеки предложили это, однако, при одном условии: что в этой резолюции наряду с нашими лозунгами должен еще быть пункт о признании выделенного Центральной радой «Комитета обороны революции»². Представители нашего комитета, не без борьбы, все же согласились с этим добавлением. В итоге большинство Совета голосовало за нашу резолюцию с добавлением украинских социал-демократов.

Этот компромисс, от которого мы чуть ли не в те же дни отказались, через два-три дня вообще потерял всякое значение. Мы не успели распространить эту резолюцию, как началась открытая война Центральной рады против Советской власти. Хотя местная группа украинских социал-демократов уверяла нас, что поведение Центральной рады и для нее неожиданно, но очень скоро эта группа включилась также в борьбу Центральной рады против Советской власти. Создалась новая ситуация, для нас совершенно неожиданная.

В эти же дни шеститысячный митинг на Брянском заводе, большие митинги в Нижнеднепровских вагонных мастерских и на ряде других заводов, а также митинг 271-го запасного полка после докладов членов нашего комитета приняли резолюции

---

¹ Украинские социал-демократы — мелкобуржуазная, националистическая партия, активно боровшаяся против пролетарской революции на Украине. *Ред.*

² Для борьбы с силами пролетарской революции в Киеве Центральная рада создала «Комитет обороны революции», в состав которого вошли представители украинских националистических партий, городской думы и различных буржуазных организаций. *Ред.*

приветствия Октябрьскому перевороту и полного присоединения к нему. Во всех этих резолюциях было подчеркнута *требование* Екатеринославскому Совету немедленно взять власть в свои руки, а также заключался призыв к немедленному переизбранию Совета.

Однако эти резолюции имели только морально-политическое значение: в городе фактически создано многовластие. Официальные органы Временного правительства, по существу, уже никакой властью не обладали и начать против нас вооруженную борьбу были бессильны. Местная буржуазная великодержавная контрреволюция ждала момента, когда ей на помощь придут войска донского казачества. Что касается городской думы, наше влияние в ней было не меньше, чем в Совете, хотя численно мы составляли только пятую часть гласных. Совет же, пока он не был переизбран, не хотел и не мог стать властью. Конечно, о нашей вооруженной борьбе против Совета не могло быть и речи.

Помню момент, когда привезли на завод «Трубный А» (ныне завод имени Ленина) свежепечатанные декреты о мире и земле и стали раздавать их рабочим. Получив декреты, рабочие сохраняли такое молчание, которое придавало всему необыкновенную торжественность. Рабочие молча ждали доклада. В ближайшем углу я увидела старого рабочего, который плакал, тихо приговаривая: «Наконец-то!»

После докладчика выступали с огромным подъемом рабочие и фронтовики. Митинг продолжался очень долго. Мне пришлось его покинуть, чтобы поспеть в другое место, а именно в 271-й полк, в Симферопольские казармы. Здесь солдаты и офицеры стояли уже во дворе и ждали.

Митинг кончился резолюцией, восторженно приветствовавшей переворот и выражавшей готовность защищать Советскую власть до последней капли крови.

* * *

Что Совет должен взять власть в свои руки если не мирным путем, то путем вооруженной борьбы, не вызвало в нашей среде никаких споров. Я не помню, чтобы в комитете или на районных партийных собраниях были какие-нибудь дискуссии по этому вопросу. Когда нам стали непосредственно угрожать значительные вооруженные силы Центральной рады, расположившиеся по соседству с Екатеринославом, возникла сложная ситуация. Инициативу борьбы против Советской власти взяла на себя контрреволюция в лице Центральной рады, которая уже сговорилась с немецким командованием и пошла у него на поводу. Политически, в смысле боеспособности, сознательности и организованности рабочих масс, наша сила была неотразима, и с ней не шла ни в какое сравнение сила украинской националистической буржуазии. Но нужного вооружения и военной организованности у нас почти не было.

Наша Красная гвардия росла, но для войны с войсками Центральной рады была недостаточно сильна.

Другой нашей опорой был полк имени атамана Орлика, прибывший с севера в период выделения из старой армии украинских воинских частей. Однако, хотя этот полк в общем был революционизирован и сочувствовал большевикам, командование его было ненадежно. В дни вооруженных боев в декабре полк сохранял дружественный нейтралитет.

Условия, обеспечившие успех нашей борьбы, были созданы только в последние дни декабря. Во-первых, мы получили оружие, для чего в Москву был послан член комитета Борис Ройзенман. В результате его поездки мы получили 10 тысяч винтовок, 10 миллионов патронов, 10 пулеметов и несколько сот наганов. Во-вторых, к моменту боев к нам на помощь подоспели вооруженные отряды из числа тех, которые Москва направляла на Дон и путь которых лежал через Донбасс, близко от Екатеринослава. В-третьих, к этому времени мы и политически были уже подготовлены, так как в декабре, во время третьих выборов, мы получили наконец большинство в Совете.

Непосредственный переход к вооруженным действиям был ускорен провокациями гайдамаков, которые стягивали свои части к городу и которые стали выставлять свои караулы на почте и на вокзале, а также ставить пулеметы на крышах ближайших к Совету домов.

Узнав, что прибыл поезд с оружием, привезенным Ройзенманом, гайдамаки пробрались к вагонам и стали расхищать оружие. Узнавшие об этом брянские отряды Красной гвардии увезли главную массу оружия на Брянский завод, который превратился в арсенал и крепость революции.

С момента получения оружия рабочие рвались в бой. Уже приходилось считаться с тем, что вооруженные брянцы, не дождавшись приказа военно-революционного штаба, организованного специально для руководства вооруженной борьбой, выступят преждевременно. А приказ о выступлении задерживался, так как с минуты на минуту ждали прибытия московских вооруженных отрядов. Накануне решающих дней наш комитет командировал меня на Брянский завод, чтобы призвать рабочих не выступать без приказа, который ожидался с сегодня на завтра.

Обширная столовая Брянского завода была до предела заполнена рабочими с новенькими винтовками в руках, в полной боевой готовности. Подъем был так высок, что, казалось, слышишь, как стучит горячая рабочая кровь, как пылают сердца. Выслушав мою информацию о соотношении сил в городе и о решении начать выступление в самые ближайшие сроки, брянцы решили не нарушать дисциплину и ждать сигнала.

23 декабря на первой странице «Звезды» появился призыв: «Екатеринославский Совет должен действовать, Советская власть должна стать фактом!» Под ним громадный аншлаг гласил: «Рабо-

чие и солдаты Екатеринослава! Пробил час, когда вы больше не можете оставаться в бездействии. Победа революции шествует из города в город. Вместе с нашими товарищами питерцами, москвичами и харьковчанами пойдем на бой за революцию, за социализм. Мы разделим с ними трудности борьбы и честь победы; революция непобедима. Да погибнут все враги ее! Среди нас нет колебания. Среди нас не будет малодушных!»

События были ускорены тем, что в этот или на следующий день гайдамаки привезли из Александровска (Запорожье) броневик и стали с ним разъезжать взад и вперед по проспекту, то приближаясь, то удаляясь от здания Совета.

В ночь на рождество наши товарищи увезли этот броневик. Это было организовано так: на ночь гайдамаки поставили броневик в гараж городской пожарной команды. Воспользовавшись моментом, когда гайдамаки перепились в ночь наступавшего рождества, наши товарищи увезли броневик на Брянский завод. Похищение броневика было придумано руководителями революционного штаба с целью ускорить вооруженные бои, пока на помощь гайдамакам не придут новые силы, и использовать момент, когда мы были сильнее в связи с приездом московских вооруженных отрядов.

26-го утром гайдамаки прислали на Брянский завод делегацию с ультиматумом, в котором потребовали немедленного возвращения броневика под угрозой артиллерийского обстрела завода. Огромный мостовой цех завода был немедленно заполнен рабочими. Подъем достиг высшей точки. Рабочие знали, что должен приехать В. Аверин, который был назначен председателем революционного штаба. Аверин после доклада о создавшейся ситуации поставил перед рабочими вопрос: вернуть ли броневик или драться? Собрание, как один человек, голосовало за то, чтобы драться. Оно приняло резолюцию, в которой рабочие поклялись не сдаваться, дать бой и победить. В этот же вечер был проведен на заводе еще один такой митинг, на котором больше 1000 вооруженных рабочих голосовали также за бой. Подобные митинги были проведены на железной дороге и других заводах.

Бой начался с обстрела Брянского завода гайдамаками, продолжался в общем двое суток и кончился 29 декабря полной нашей победой. Через несколько дней рабочие Екатеринослава в похоронном шествии по всему проспекту пронесли на Соборную площадь 21 гроб с телами товарищей, погибших в этих боях.

В первый день боев гайдамаки, захватившие почту, арестовали выехавших с завода в город председателя революционного штаба Аверина и другого члена штаба — Гринбаума (Кржеминского). Город оказался отрезанным от Чечелевки и вообще от заводов. Совет остался почти без охраны. Гайдамаки его обстреливали с почты и с соседних крыш. И тогда произошло нечто неожиданное: к Совету бросились городские вооруженные рабочие — члены меньшевистской и других мелкобуржуазных организаций. Они,

вопреки запрету своих лидеров, активно участвовали в защите Совета, в то время как их лидеры объявили «нейтралитет». В этом эпизоде особенно ярко отражен был ореол, которым в широких массах был окружен Совет. Эти декабрьские дни, таким образом, были одним из тех моментов, которые ускорили политическое банкротство и распад мелкобуржуазных партий.

Скорая и полная наша победа была обеспечена вмешательством московских отрядов, прибывших для борьбы с Калединым. Перевес сил с их приездом сразу оказался на нашей стороне.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции. Сборник воспоминаний участников революции в промышленных центрах и национальных районах России. М., 1958, с. 290—295